

18+

Алла Зубова

**Неизвестные
МГНОВЕНЬЯ
ИХ СЛАВЫ**

Алла Зубова

Неизвестные мгновенья их славы

«Издательские решения»

Зубова А.

Неизвестные мгновенья их славы / А. Зубова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988896-9

Алла Зубова очень верно назвала свою книгу. Ее герои — это золотой фонд российской культуры XX века. О них много написано. Но журналисту А. Зубовой выпало счастье соприкоснуться с их судьбой долгой дружбой, личным знакомством, а с иными быть связанной незримыми нитями памяти. Истории об интересных случаях, эпизодах, мгновениях жизни героев книги многие годы хранились на страницах дневников автора и никогда ранее не публиковались. Теперь читателю первому доверены маленькие тайны больших людей.

ISBN 978-5-44-988896-9

© Зубова А.
© Издательские решения

Содержание

Рахманиновская сирень	8
Стародавнее предание	9
Сатинское имение	10
Судьба сестер Поляковых	17
Алена Григорьевна вспоминает...	19
Свидание с Ивановкой	25
О самом дорогом уголке России	30
Ветка белой сирени	33
Последняя весна	37
А память жива	39
Тихая его Россия	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Неизвестные мгновения их славы

Алла Зубова

Дизайнер обложки Георгий Еремеев

© Алла Зубова, 2020

© Георгий Еремеев, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-8896-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АВТОР ВЫРАЖАЕТ ГЛУБОКУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ
КОНОПЛЕВОЙ НАТАЛЬЕ ПАВЛОВНЕ
И ЛУЧИНУ АНДРЕЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ
ЗА ПОМОЩЬ В РАБОТЕ НАД ЭТОЙ КНИГОЙ.

Рахманиновская сирень

Стародавнее предание

Река Ворона, чистая, как слеза и быстрая, словно летящая птица, отделяет южный мысок Тамбовской губернии, прижимая его слева к воронежской земле, справа – к пензенской, а середину его отпускает на волю к безоглядным саратовским просторам.

Диковинная эта река Ворона: правый берег высокий, поросший широколистным добротным лесом, левый берег низковатый и зелень на нем небогатая, узкой полосой тянется, а дальше – степь бескрайняя.

С давних-предавних времен бытовало в этих местах поверье, будто жил здесь очень богатый помещик. Дом его белый большой, с колоннами стоял над самой рекой. Всем судьба щедро одарила этого барина: и жена красавица, и две дочери умницы-послушницы и сыночком Иваном, наследником долгожданным утешила. Жить бы им жить да радоваться долгие годы, а беда-то их уж поблизости поджидала. От тяжелой сердечной болезни в одночасье покинула белый свет добрая барыня, да и сам хозяин с горя чуть за ней вслед не отправился. От тяжкого недуга выходила его дворовая молодая девушка. Как малое дитё его лелеяла, грусть-тоску отгоняла то песней ласковой, то сказочкой затейной, то молитвой святой. Потихоньку-полегоньку стал барин здоровьем крепчать, хозяйством своим большим заниматься, а к молодой утешнице своей так привык, что никуда от себя не отпускал. Через какое-то время у девушки родилась дочка и ни у кого не было сомнения, кто отец дитёнка.

Шли годы. Выросли барские дети, надо уже и им свои семьи устраивать. Обеим дочерям в приданое досталось по богатому имению с большим наделом земли да с тысячью крепостных душ.

Как уж эти места назывались раньше, скоро забылось. А стала хозяйкою имения старшая дочь – красивая, гордая, властная, так и поселение в народе прозвали Красивкой.

Другая дочка лицом была мила, по характеру добрая, нравом тихая. И стали все называть ее имение Хорошавкой.

Сыну Ивану досталось самое главное наследство – огромный дом со всеми пристройками и службами, степные земли немереные и множество работающих людей. По хозяину и село прозвали Ивановкой.

Заневестилась и прижитая с прислугой девушка. Не хотелось барину обидеть свою кровинушку, да ведь не дворянского она рода-племени, и законные дети возроптали – равнять их с холопкой!

Не стал барин перечить наследникам, а тайком от них отписал небольшой хуторок, что приютился край лесочка, в придачу дал коняшку со всей справой, коровенку, всякой мелкой живности и сто рублей серебром на прочее обзаведение. Не было предела благодарности от молодой семьи своему благодетелю за бесценный подарок, только обидно слышать как из-за хозяйкиного холопского звания хуторок тот Чернавкой нарекли.

Так ли это было на самом деле или по-другому только сейчас на юге Тамбовской губернии стоят верстах в 7—10 друг от друга большие раскидистые переулками, отшибами сёла Красивка, Хорошавка, Чернавка и степная Ивановка.

Сатинское имение

Настал 19-ый век. Все поверья о том, что, как и почему именно так называлось, по-прежнему жили в народе, только владельцы сёл и усадеб были уже другие. Самым богатым и почитаемым всеми помещиком в тех краях был хозяин ивановского имения – Сатин Александр Александрович. Гостеприимная и большая семья его жила дружно и весело, особенно летом, когда на каникулы собиралось много подростков и молодых людей постарше. В шумной ватаге был особенно заметен мальчик лет 12-ти. Не по годам высокий, длиннорукий и длинноногий, темные волосы коротко острижены; он быстрее всех бегал на перегонки с деревенскими мальчишками, ловчее всех городошной битой вышибал рюхи, любил удить рыбу на озере и пасти коней в ночном. Этим мальчиком был племянник Сатина Сережа Рахманинов.

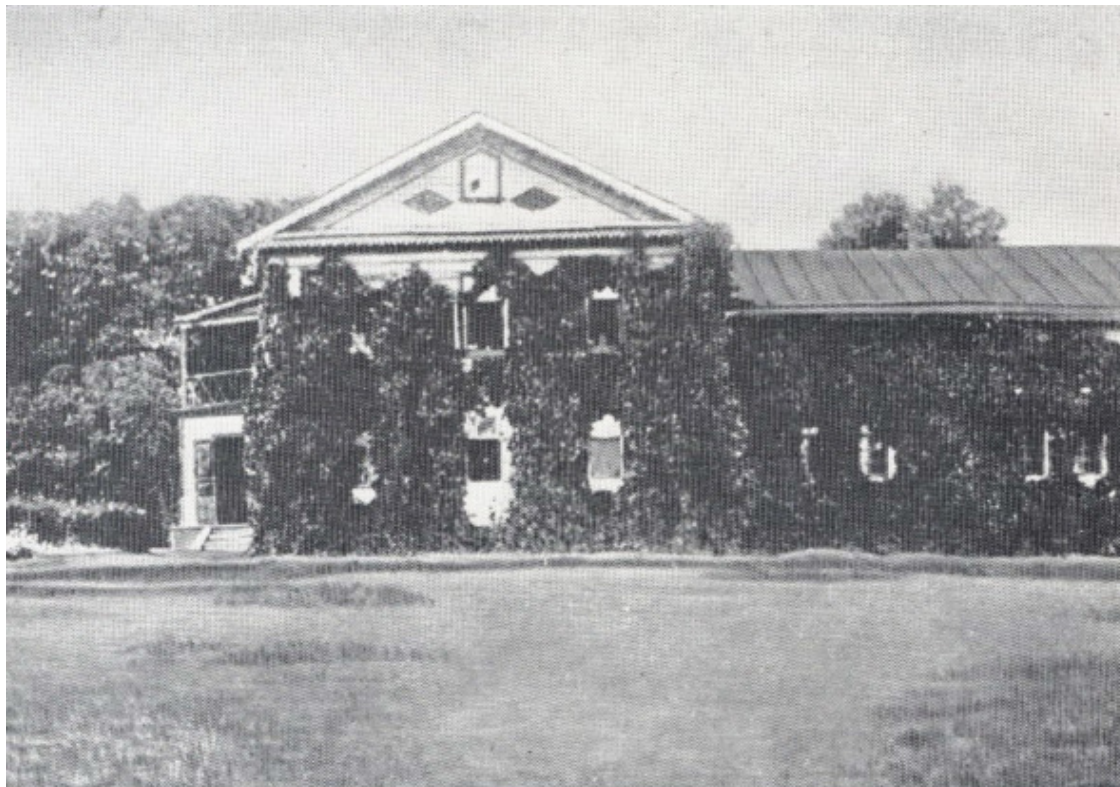
Когда ему исполнилось 9 лет, благодаря хорошей домашней подготовке его приняли в младшее отделение Санкт-Петербургской консерватории по классу фортепьяно. Несмотря на то, что у мальчика были исключительные способности: идеальный музыкальный слух, уникальная память, сильные длинные пальцы, хорошо поставленная рука, юный пианист учился плохо. Он постоянно прогуливал занятия и в классе не отличался прилежанием. Отчаявшиеся родители решили определить сына в Московский частный пансион профессора Зверева, который славился строжайшей дисциплиной и серьезной программой обучения.

Сереже Рахманинову 10 лет. С этого возраста он каждое лето приезжает в Ивановку на каникулы к своим родственникам Сатиным.

Внимательно присматриваясь к подростку со сложным характером, Зверев сумел угадать в мальчике задатки необычно сильного, оригинального таланта и настоял на том, чтобы ученик жил в его доме. Он специально для него составлял упражнения, заставляя заниматься по 6—7 часов в день. Угрюмый, молчаливый, раздражительный Сергей терпел, чувствуя себя рабом на галерах. Однако наступали непредсказуемые мгновения, когда тяжкий труд исчезал и Сергея захлестывала волна бурной радости и он уже забывал, сколько времени его пальцы не отрываются от клавиш.

Еще несколько лет назад, едва закончив учебный год под надзором своего безжалостного строгого профессора, он без промедления укладывал свой скромный багаж и бежал на вокзал, чтобы скорее прибыть в свою любимую Ивановку, где с деревенскими мальчишками вдоволь наслаждался свободой. Здесь у него за спиной словно вырастали крылья, а степная ширь звенела на сотни волшебных голосов и он мог безнаказанно отчаянно озорничать...

Флигель в Ивановке, отведенный Рахманинову. Здесь рояль и музыкальная библиотека.

Теперь это душевное бунтарство уже давно остепенилось, ушло куда-то вглубь, будто шторм, бушевавший на море, стих и только голубые волны с белыми барашками ритмично набегали на каменистый берег.

Сергей уже миновал свой двадцатилетний рубеж. Он был совсем взрослым человеком. На него везде обращали внимание: красив, строен, с гордо приподнятой головой римского патриция.

Несколько летних каникул он провел в имениях своих новгородских родственников, а когда наконец приехал в Ивановку, семейство Сатиных поразились произошедшем изменении в своем когда-то озороватом необщительном племяннике.

Теперь он много занимался музыкой, и его поселили отдельно в небольшом флигеле, со скромной обстановкой, но где было самое главное – хороший рояль. Окна выходили во двор. Возле них росли густые кусты сирени. Тяжелые, влажные, тёмно-фиолетовые, голубоватые и кипенно-белые грозди при открытых окнах наполняли комнату тонким, нежным ароматом.

Иногда Сергей подходил к сирени, погружал лицо в свежие прохладные кисти и замирал. Думал ли о чем-то своем сокровенном, или вслушивался в музыку, звучащую в нём?

Всему семейству Сатиных приятно было видеть, как изменился Сережа. Ему было интересно общаться с двоюродными сестрами, с молодыми людьми, которые часто навещали имение, устраивать музыкальные и поэтические вечера, спорить о прочитанных книгах. И как это ни странно было для всех, большую часть времени он проводил за роялем.

Скоро все заметили, что Сережа особое внимание уделяет троюродной сестре – Верочке, веселой, чуть взбалмошной миловидной девушке. Они любили играть в четыре руки задорные польки и мазурки, подолгу о чем-то тихо разговаривать в густых зарослях сирени, в теплые лунные вечера прогуливались к озеру. Все улыбались, глядя на них: какая красивая пара!

А младшая двоюродная Серезина сестра Наташа, еще подросток, похожая на забавного галчонка, с тайной завистью смотрела им вслед, глубоко вздыхала, стараясь унять свою глубокую печаль.

Со дня на день ожидалось радостное для всех событие: Сережа сделает предложение Верочке. Однако лето заканчивалось, молодого музыканта в Москве ждал его любимый учитель, известный композитор и пианист Сергей Иванович Танеев, уже теперь угадывавший в своем ученике гения.

На этом месте рассказа о жизненных перипетиях юного Рахманинова очень хотелось бы с согласия читателя сделать небольшое отступление, которое лишний раз подтвердило бы его необыкновенный талант.

С.В. Рахманинов, конец 1890-х гг.

Танеев старался как можно больше времени уделять занятиям с Рахманиновым у себя дома. Однажды слуга доложил, что пришел композитор Глазунов и просит безотлагательно его принять. Александр Константинович был гораздо моложе Танеева, но это несколько не мешало их тесной дружбе.

Сергей Иванович сразу же догадался, что Глазунов принес ему свое новое сочинение и от строгого, честного судьи молодой композитор хотел бы услышать беспристрастное мнение. Надо сказать, что при всем своем высоком благородстве и мягком характере, Танеев обладал еще и тонким чувством юмора.

Узнав о приходе Глазунова, Сергей Иванович загадочно улыбнулся, попросил ученика выйти в соседнюю комнату и очень внимательно прослушать игру Глазунова. Ученик удалился, оставив приоткрытой дверь комнаты, где будет находиться.

Глазунов принес Танееву первую часть только что написанной новой симфонии. Композитор исполнил произведение. Сергей Иванович высказал автору свое мнение, потом сказал другу, что его ученик юный композитор Сергей Рахманинов тоже пришел к нему с новой композицией и предложил вместе послушать его сочинение.

Вошел Рахманинов, Танеев представил его Глазунову. Сергей, без всяких нот, сел за рояль и на слух, не ошибившись ни в одной ноте, исполнил то, что только сейчас играл Глазунов.

Александр Константинович настолько был поражен, что твердил одно: «Я никому не показывал ноты... О них никто не знает...». Глазунов успокоился лишь когда Танеев сказал другу, что его юный ученик обладает феноменальной музыкальной памятью и сейчас слушал симфонию Александра Константиновича впервые, находясь рядом в комнате. И, лукаво улыбувшись, хозяин дома извинился перед гостем за шутку.

Теперь же продолжим рассказ о том, что происходило в Ивановке.

Сатины готовились к большому семейному торжеству. Письма с московским штемпелем приходили каждую неделю, Вера также аккуратно отвечала на них. Потом случилось неожиданное: в одном из соседних поместий девушка познакомилась с молодым приезжим гостем, который настолько увлек ее, что она забыла о летнем романе с Сережей настолько, что порвала его письма. Свадьба состоялась, но бывший возлюбленный, увы! не имел уже к ней никакого отношения.

В глубине души Наташа благодарила Бога за то, что ее любимый кузен теперь свободен, но сильно горевала о разлуке с ним. Верочка жила у мужа, имение которого находилось далеко, и родителей навещала редко. Сергей уже давно не появлялся в своей любимой Ивановке. Оттого, что не мог простить предательства дорогого ему человека? Или пытался вырвать обиду из оскорбленной души любовью к другой женщине? А может с головой ушел в работу? Он ни перед кем не исповедовался. Это осталось тайной.

Наташа часами играла на фортепьяно. Ей еще с детства предсказывали успех талантливой пианистки. За последние три года она из угловатого подростка преобразилась в очаровательную своей юностью девушку. Она не была красива, но стройна, улыбчива, ее большие глаза светились умом и добротой. Когда весной 1901 года в пору буйного цветения сирени Сергей Рахманинов приехал в Ивановку, он удивился чудесному преображению кузины, не переставая отмечать в ней замечательные свойства характера: спокойный нрав, домовитость, взрослую рассудительность и нескрываемую уже верную любовь к нему. Да... да, именно такой человек, как Наташа, должен стать преданным спутником его нелегкой, непредсказуемой судьбы. Да! Именно Наташа Сатина и будет его женой.

В 1892 году Сергей Рахманинов блестяще закончил Московскую консерваторию с Большой Золотой медалью и как композитор и как пианист. Началась его успешная концертная деятельность, его сочинения хорошо раскупались, его музыкальные произведения исполнялись и профессиональными и любительскими солистами, оркестрами. Рахманинов становился состоятельным человеком и мог обеспечить семью.

Он сделал предложение Наташе, и та с радостью приняла его. Свадебным подарком невесте были двенадцать прекрасных романсов, среди которых один из самых любимых исполнителями – «Сирень». Все счастливы.

Однако возникло почти непреодолимое препятствие. Церковь запрещала брак между близкими родственниками. Сергей и Наташа были двоюродными братом и сестрой. Никто из священнослужителей ни явно, ни тайно не соглашался их венчать. Тогда Сергей Васильевич обращается к самому Государю Императору Николаю Второму с просьбой на законный брак. Влюбленные с нетерпением ждали этого разрешения. Но время шло, а никакого ответа не приходило. А раз так, Сергей и Наташа решили, что Высшая Власть, благословляющая молодых людей на брак – это Любовь. И не дожидаясь императорского соизволения, жених и невеста вместе с самыми близкими родственниками, уговорив и одарив знакомого священника, который заведовал маленьким бедным приходом 6-го Гренадерского Таврического полка на окраине Москвы, обвенчал молодых. Сразу же оттуда чета Рахманиновых отправилась в свадебное путешествие, сначала в Вену, а потом по всей Европе.

Вернувшись в родные пенаты, в любимую Ивановку, они наконец получили конверт с императорскими печатями, в котором находилось письмо Государя с ответом на давно посланное прошение: «Что соединено Богом, не людям разлучать!»

Вскоре там же, в Ивановке, родилась их первая дочь Ирина.

Судьба сестер Поляковых

Издавна польский народ не знал покоя от разрушительных войн, беспощадных восстаний, не затихающей смуты. Стремясь уберечь семью, детей, люди поднимались с обжитого места и шли искать тихую землю. Так на Тамбовской равнине появились польские беженцы. Некоторые из них облюбовали небольшое приглядное сельцо Чернавку. Тут и поселились, прижились, сроднились с русскими, друг от друга старались перенять все хорошее, дельное по мастеровой части, по хозяйственной. От польских поселянок русские хозяйки переняли умение наводить порядок в доме. Если раньше еда была незатейливая: щи, каша, картошка в мундире, то теперь неленивая повариха и голубцами угостит, и зразами, и клецками, а ребятишек потешит густым ягодным киселем. Если сваха расхваливала невесту и говорила, что девушка умеет по-польски кухарить, то тот козырь крыть уже было нечем.

В Чернавке сотню лет бытовал такой закон: кто из польских парней приходил в семью зятем, а потом становился хозяином, всех звали Поляковыми. Уж в каком колене, когда у Григория Михайловича в роду был переселенец, никто и не помнил, а по реестровым спискам он числился Поляковым. Семья его была небольшая – всего 5 человек: он с женой и три дочери (шестеро детишек умерли во младенчестве). Все девочки окончили церковно-приходскую школу и грамоту знали хорошо.

Редкая семья в такой маленькой деревне. Да только знали о ней во всей большой округе по другой причине: три дочери Григория Михайловича – Алёна, Александра и Анна пели так необыкновенно хорошо, что слушать их собиралось много народа.

Особенно из них выделялась Алёна. Высокий, чистый, нежный ее голос проникал в душу. Настоятель главного тамбовского храма по большим праздникам присылал за ней коляску с тройкой лошадей, чтобы она пела в первом ряду на клиросе. Там и услышал ее Алексей, сын ивановского кузнеца и потерял буйную свою головушку. Разузнал, где живет его милая. Оказалось далековато: от Чернавки до Ивановки верст пятнадцать, не меньше. Узнал также, что семья бедная и девушка почти бесприданница, а ведь там еще две сестры. Такой расклад не испугал Алексея, он по вечерам то пешком, то верхом на лошади тайком от отца стал часто навещать в Чернавку. Алёна хоть и не красавица, но статная, крепкая, разумная всё больше виделась ему его суженой. Алексей тоже пришелся Алёне по душе. Наконец, сын кинулся отцу в ноги, поведал ему свою печаль-кручину. А тот – что ж? Малого все равно женить надо. Устроили смотрины, на которые сбежалась вся деревня. Когда Алёна запела по просьбе всего народа, отец жениха даже прослезился и назвал Алёну доченькой. За свадьбой дело не стало. Молодых обвенчали в Красивской церкви и улетела Алёна Григорьевна из родительского гнезда... Все бы хорошо, да уж больно далеко от родного дома.

Молодую в семье кузнеца встретили приветливо. Свекровь рада-радехонька, что появилась помощница, ловкая на все дела, неперечливая, уважительная. Не прошло и года, как в дом пришла радость великая: разрешилась Алёна двойней – сыном и дочкой. Узнав об этом, из господского дома «на зубок» принесли подарок: десять аршин всякого цветастого ситца и столько же сарпинки младенцам на подгузники.

Много добрых слов услышала об Алёне хозяйка сатинского имения и решила пригласить ее в свой большой дом прислугой. Честь для простой крестьянки особая, да как же с малыми детьми быть? Твердо и просто решила этот вопрос свекровь. А она на что? Скольких ребятишек вырастила?! Наймут в няньки соседскую девчонку, на ночь Алёна домой будет приходиться – вот и забот никаких. Так стала Алёна целыми днями работать прислугой у Сатиных.

А как же сложилась судьба ее сестер? Младшая Анна так и осталась в родительском доме. В начале тридцатых годов, когда организовывали колхозы, она к этому времени уже овдовела,

а два ее сына с семьями подались в подмосковную Шатуру на торфяные разработки, там прижились, там и остались.

О моей милой бабушке Саше, которая научила меня родному языку, народным песням, байкам, поговоркам, прибауткам, расскажу подробнее. Эта книга будет размещена в интернете и ее могут прочитать многие, так пусть хоть маковое семечко моей несказанной благодарности и доброй памяти об этой талантливой женщине останется в божьем мире, в котором мы живем.

В той же самой Чернавке, на тех же зеленых лугах услышал, как поют три пригожих девицы молодой паренек из соседней Хорошавки. Сестры были очень похожи: все трое среднего росточка, голубоглазые, улыбочивые, у каждой тугая русая коса.

Андриан Коновалов, которого все попросту звали Андрюшей, прислушался, что народ говорит о девушках, и удивился: и стар, и млад ими не нахвалится. Сестры все три – погодки, любую выбирай в невесты, а Андрею запала на сердце средняя – Сашенька. Как подойти к ней, как познакомиться, как подать знак, что полюбилась она ему? Робел очень. На погляд он совсем не королевич. Крепкий, плотно сбитый паренек, но невысокий и статным не назовешь. Может быть потому, что отыгралась судьба на коноваловской родне круче некуда. Напала на село моровая чёрная оспа, какой отродясь никто не помнил. Смерть безжалостной косой выкашивала целые семьи. Из коноваловской избы один за другим четыре гроба – два больших и два маленьких – отнесли на погост. Умерли родители и маленькие дети. Пятилетний Андрюша неизвестно каким чудом еле живым, но уцелел. Старший брат Павел в это время служил в армии, тем и уцелел.

Вернулся, как на пепелище. Из всего рода остались только он да малец Андрюша. Павел рослый, сильный, пытливый до всего. В армии научился разбираться в технике. Привел в порядок хозяйство. Младший братишка во всем ему помогал. Хоть и мужичок с ноготок, а взялся за соху. Весна не ждет, надо землю пахать, сеять. Идет Андрюша, упирает чапыги тонкими ручонками, а косточки-то слабые, гнутся, и ногами в борозде словно впрысядку, но идет, поворачивает черноземный пласт к солнцу, значит будет куда бросить зерно, стало быть и хлеб будет. Так и остались на всю жизнь у Андриана Иваныча руки такими, будто он ими держит в обхват большое решето, и ноги колесом, словно всю жизнь с коня не слезал.

У Сашеньки Поляковой ухажеров много. Каждый норовил чем-то привлечь ее симпатию, а согласие быть женой она дала с виду неказистому, в разговоре неречистому, в обхождении несмелому. И не потому, что у ее будущего мужа к тому времени было крепкое хозяйство и человек он работающий, а потому, что ласков он к ней был, как голубь, и всем сердцем чувствовала, что ее тихое слово всегда будет для него законом. И не ошиблась.

Старший брат Павел женился на единственной дочери богатенького красивского крестьянина, промышленявшего торговлей, поселился в доме тестя, который с большой охотой доверил ему немалые хозяйственные дела.

Андриан с молодой женой подновили добротный кирпичный пятистенок с просторными сенями из прочного цельного дуба, пристроили большое крыльцо с резными планками и столбиками. Дом оградил палисадом. Сестра Алена из ивановского имения привезла охалку саженцев разной сирени, ровнехонько обсадили изгородь. На благодатной черноземной земле они быстро пошли в рост. И стал дом Коноваловых самым красивым на деревенской улице. Особенно весной, когда буйным цветом распускались тугие гроздья. По всей Хорошавке веяло свежим сиреневым ароматом. Этот запах и я помню всю жизнь.

Алена Григорьевна вспоминает...

После непышной Верочкиной свадьбы дом Сатиных притих. У всех остался осадок от неблагоприятного поступка близкого и дорогого всем человека. Событие старались не обсуждать. Время шло, и оно постепенно сглаживало неловкость семейной истории. У всех. Но не у Наташи. Внешне она будто казалась спокойной. Много играла на фортепьяно: ведь Сергей очень хвалил ее способности и был убежден, что она могла бы стать талантливой пианисткой. Девушка стала любить дальние прогулки в одиночестве. Интересовалась новыми сборниками стихов. Но только Алена, прислуживавшая в той части дома, где была Наташина спальня, слышала, как безутешно рыдала, уткнувшись в подушку, ее горемычная любимица.

Обо всем, что читатель узнает дальше, написано по моим воспоминаниям о рассказе Алены Григорьевны Кузнецовой, крестьянки села Ивановка Тамбовской губернии, родной сестры моей милой бабушки Саши.

Жаркий летний день 1940-го года. Мне девять с половиной лет. Я играю в палисаднике. Собираю тёмно-зелёные широкие листочки от сирени, скалываю их острой маленькой палочкой и делаю себе наряд: корону, ожерелье, опоясие. Бабушка моя тут же подметает веничком мелкий сор. Дедушка отправился с большой тележкой в лес выкашивать траву на полянках. Вдруг перед домом останавливаются дрожки и к нам в калитку идет бабушка Алена в нарядной сатиновой кофте, простроченной спереди мелкой строчкой и черной юбке с воланами. Тогда ведь между деревьями ни телеграфа, ни телефона не было. Гость сваливался, как снег на голову. Охают мои бабушки, обнимаются, плачут от радости, что Бог привел свидеться.

– Ну, будя, будя, сестрица нам с тобой сладкими слезами мокроту разводить. Ставь-ка самовар. Я вот пирогов со всякой ягодой напекла.

Пока бабушка Саша проворно готовит угощение и чаепитие, Алена Григорьевна расспрашивает меня про московскую родню, про мою маму – она ведь ее крестница. Гостью усаживают возле стола на венский стул, я возле нее пристраиваюсь на скамеечке: хотя я ее хорошо знаю, но все же она для нас человек редкий и потому особенно интересный, глаз с нее не спускаю, ловлю каждое словечко и все примечаю. С нетерпением жду, когда сестры наговорятся и мне можно вежливо встрять со своими вопросами.

Кто такой Сергей Рахманинов я знала давно. Правда, его имя открывалось для меня понемногу. Сначала бабушка Саша, укладываясь на ночь, пела мне про сирень. Я догадывалась, что это совсем не колыбельная песня, и тогда бабушка, как могла попонятнее, рассказывала о музыканте Сергее Васильевиче Рахманинове, который жил недалеко от нас и сочинял хорошие песни. Потом больше всего мне рассказало о нем радио. Симфонии остались для меня звучащей тайной, а романсы, маленькие произведения я, подрастая, хорошо запоминала.

Вот и сейчас, улучив момент, когда в разговоре сестер наступила пауза, я попросила бабушку Алену рассказать, как она пела Рахманинову?

Алена Григорьевна помолчала, глубоко вздохнула и с негромкой печалью начала вспоминать:

– Не сразу это случилось, внученька. Он-то кто был? Музыкант, барин, а я – простая прислуга. Он про меня и знатом-то не знал. И в господском доме у Сатиных я только прибиралась. Помогала их младшей дочке Наталье Александровне. А она-то уж очень полюбила Сергея Васильевича, своего двоюродного брата. Он-то, бывало, каждое лето в Ивановку приезжал, а тут – как злой человек наворожил. Одну весну сирень отцвела, (уж он эту пору очень любил), вторая весна прошла. Он все не едет. Наталья Александровна и так-то худенькая, а тут одни косточки из открытого воротничка торчат.

Настала зима. От Сергея Васильевича ни слуху, ни духу. Пришел февраль – кривые дорожки. Снегом все завалило. В тот раз метель с вечера разбушевалась. Час уж поздний. Про-

хожу мимо спальни Натальи Александровны. Слышу – плачет. Я полегонечку двёрку приоткрыла, тихо спрашиваю: «Барышня, не надо ли вам чего? Успокойтесь. Не плачьте». Она мне в ответ: «Я не плачу... это метель так плачет...»

С. В. Рахманинов с собакой Левко на мостках у берега реки Хопер близ имения Красненькое. Фотография 1899 года

Чтобы хоть немного успокоить ее, говорю, что в народе примета – большие снега к большому зерну. А еще песня такая есть и тихонечко запела: «Как со вечера пороша выпала хороша...» Гляжу, девонька повернулась ко мне, всю песню до конца прослушала и просит: «Спой еще, какую знаешь». «Милая моя барышня, – говорю ей – я столько песен знаю, что их петь – не перепеть». До самой полночи потихоньку ей пела, пока она совсем не успокоилась. А на другой день барышня подвела меня к большому черному фортепьяну и сказала, чтобы я пела песни, а она будет играть музыку. И потом что придумала? Приказала в сундуках разыскать самый красивый сарафан, мои волосы заплесть в косу, уложить вокруг головы и повязать их широкой шелковой лентой под цвет сарафана. Только с обувкой вышла заминка, ничего к наряду не подошло. Барышня даже свои башмачки принесла. Да куда там! Её-то ножка тоненькая, а моя-то, крестьянская, по голой земле растоптанная. Я сама быстро связала из тонкой конопляной веревочки чуни. Хозяйка моя молодая хоть и одобрила, но сказала, что будем искать. А чего там искать? Дедушка твой, Андриан Иваныч, мастер лапти плести, каких искать. Передала ему свой наказ, мерку указала, так он сплел чудо-лапти, и царице не зазорно в них ходить. Собрала Наталья Александровна всех свободных людей в доме, усадила их перед роялем, вывела меня к ним разнаряженную, а сама села играть. Называет, какую песню нужно петь, я ее и пою. И так хорошо, задушевно получилось, что иные даже прослезились. Бывало, в праздники соберутся гости, она и им такое вот представление со мной устраивала. Очень заинтересовали ее старинные песни, на больших листах ноты написала. Делом-то утешным для себя занялась, гляжу и повеселела моя девонька. А весной, на Пасху от Сергея Васильевича весточка пришла, дескать собирается лето у тетеньки Сатиной погостить, будет торопиться, чтобы сирень в цвету застать.

И правда, приехал. Увидел свою сестрицу, удивился, как она выросла, да какая пригожая стала, вот тут уж их Господь друг с дружкой и сводить начал.

– Ну, а пела-то ты когда Сергею Васильевичу? Как он с тобой разговаривал? – тереблю за широкую юбку бабушку Алену.

– Обязательно все тебе расскажу. Только в другой раз. А сейчас за мной дрожки для дальней дорожки приедут. Домой пора.

Каникулы мои приближались к концу. Бабушка Саша по всей Хорошавке узнавала, кто собирается в Москву, чтобы меня пристроить в попутчицы.

Мы завтракали, когда неожиданно, как и в прошлый раз, перед крыльцом остановилась легкая тележка со спинкой и из нее проворно выбралась бабушка Алена с небольшим узелком. Мы выбежали ей навстречу. С радостными охами и ахами, перецеловавшись, повели гостью в горницу. Хозяйка сразу принялась за самовар, дедушка Андриан подсел к сватье. Но разговора у них не получалось, потому что собеседник был сильно глухой на оба уха. Покричав-покричав, Алена Григорьевна приказала мне отвести деда во двор, пусть он там своими делами занимается, придет к рюмочке, когда стол будет накрыт.

И опять две сестрицы, перебивая друг друга стали меняться хорошими и печальными новостями. Угостившись, выпив по несколько лафитничков малиновой наливочки, бабушка Алена обняла худенькие плечи моей бабушки:

– Давай, Саша, тряхнем стариной, споем, как бывалоча. Начнем с любимой песни Сергея Василича... Я заведу, а ты мне вторь.

Плавно, душевно полилась мелодия: «Поутру на заре по росистой траве...». Второй голос ее расцветил: «Я пойду свежим утром дышать».

Я сидела, боясь пошелохнуться, чтобы не помешать песне. А мои бабушки, закончив одну, запевали другую. Звенело золотой цепочкой «Во субботу день ненастный», «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», «Ой, да ты калинушка», «Позарастили стёжки-дорожки». Я слушала и сердце мое «сладко таяло в груди». Мне было не жаль, что все меньше оставалось времени об обещанном бабушкой Аленой рассказе о Рахманинове. Наверное, в моей детской

душе зарождалось предчувствие, что такого пения я больше никогда не услышу. И действительно, это был последний раз в моей жизни. А потом началась война.

И все-таки Боженка услышал мою молитву. Весь тот день я не отходила от Алены Григорьевны, заглядывая ей в глаза. Помогла и моя милая бабушка Саша:

– Да не томи ты внучку. Ведь обещала!

– Ну и присуха девка! – То ли в осуждение, то ли в одобрение, смеясь, сказала бабушка Алена – Пока за мной таратайка не приехала, сядем здесь на крылечке, расскажу тебе про Сергея Василича. На чем я остановилась?

– На том, как Сергей Василич приехал и как с Натальей Александровной Господь друг с дружкой сводить начал.

В. А. Сатин, С. В. Рахманинов, Н. А. Сатина, Е. Ю. Крейцер, С. А. Сатина (стоит)

– И свел! Обвенчались и зажили они душа в душа. Скоро и первая их дочка – Ирина – родилась. Наталья Александровна такой хорошей хозяйкой оказалась, что все диву давались. Самая главная ее забота, чтобы ништо Сергею Василичу работать не мешало. Меня-то она ему во всем наряде сразу показала. Знал он, что я много песен пою, даже те, которые в пугачевскую смуту пелись. Но он с утра до вечера музыкой занимался. Когда совсем устанет, выйдет за око-

лицу и там гуляет. Нашто уж возле имения парк красивый, а он степь любил, нравилось ему, как дикая трава пахнет. А иной раз меня кличут, мол, барин зовет. Подойду к его флигельку, в окошко постучусь. Он сразу же откликается и просит, чтобы я зашла и песни ему попела. Встану я недалеко от окна...

– А он за рояль? – спрашиваю ее.

– Нет-нет! Никогда под песни не играл. Сергей Василич окошко откроет, облокотится о подоконник, голову на свои длинные пальцы положит и слушает. Один раз пою, а голос у меня как задрожит. Он сразу спрашивает: «Что с тобой, Алена?»

Я ему и говорю, что раздор в нашей семье случился.

– Какой раздор? – удивляется. – Я твоего свекра знаю, мужик хороший, работающий и Алексей твой – человек смирный, совестливый.

– Вы, Сергей Василич, не слыхали еще, должно быть, что брат Алексея – Петр на Кавказе служил, теперь домой вернулся, да не один, а с женой.

– Ну и хорошо! На свадьбу не потратитесь – шутит он.

– Хорошо-то, хорошо, да молодка-то его с Кавказу. Черкеска... Свекровь моя баба тихая, добрая, но уж очень богомольная. Нет, говорит, моего благословения иноверке. Но ведь Петр мужик умный, все предвидел. Невеста окрестилась, веру нашу приняла, в полковой церкви их обвенчали. Петр даже у начальства бумагу для подтверждения взял. А свекровка знать ничего не хочет, говорит на порог бусурманку не пушу. Так и живут пока в сарае. А я присмотрелась к сношеньке-то, она уж чижоленькая... Не по-людски все выходит.

Сергей Василич слушал меня внима-а-а-тельно, потом будто сам себе говорит: «Да-а... Интересно... Был бы жив Лермонтов, может, и про ивановскую черкеску написал... только совсем другую историю. Ты вот что, Алена, иди домой и ни о чем не горюй. Я твоего свекра-кузнеца хорошо знаю, поговорю с ним по душам, потом к батюшке нашему зайду, попрошу его, чтобы он с твоей свекровью как следует потолковал. Даст Бог все и уладится. Потом весело так говорит: «Ты ведь помнишь, как нам с Натальей Александровной венчаться запрещали? А все обошлось. И тут дело уладится».

И правда, считай в один день Сергей Василич горе наше по степи развеял. С его благословения зажила семья Кузнецовых лучше прежнего. Дай ему Бог всех благ.

Бабушка Алена три раза перекрестилась и замолчала.

– И это все? – осторожно спрашиваю я.

Бабушка Алена тихонько засмеялась.

– Ну, почему же все. Жизнь шла своим чередом. На зиму господа в Москву уезжали, а чуть половодье сойдет и они тут как тут. Сергей Василич у тестя имение выкупил и стал полным хозяином. Музыка-то он, конечно, как всегда занимался, но и землей, и всеми службами распорядился сам. Очень новой техникой увлекался, тракторами, сеялками, веялками. Все из-за границы выписывал. Самое лучшее. Уж какое бы имение разбогатое было бы, да война с Германией в 14-ом году началась, а потом и вовсе – революция. Видно не хотел он на весь этот разор смотреть, уехал с семьей за границу. Когда уезжали, Наталья Александровна всем, кто работал в доме, дарила что-нибудь на память. Мне много красивых вещей подарила, но самое дорогое для меня — большое овальное зеркало в резной раме.

– Бабушка Алена, на следующее лето я уж совсем большая буду, можно, я к тебе в гости приеду? Очень хочется посмотреть, где Рахманинов жил.

– Приезжай, внученька, я гостям всегда рада, да только ничего после Сергея Василича не осталось.

– Как так?

– Вот так... Весь красавец-дом по кирпичику растащили, его флигелёк, все постройки по бревнышку раскатали. Парк с дубами, березками, кленами до последнего деревца вырубил.

– И что ж там теперь?

– Пустырь.

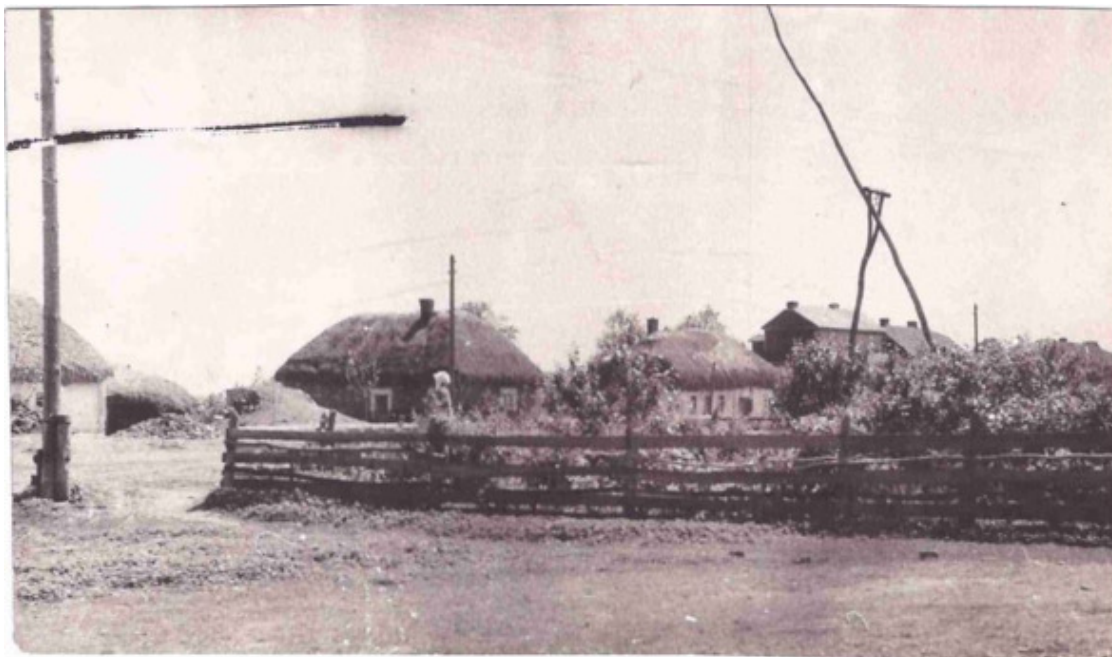
– А сирень?

– Уцелела сирень. Только растёт она в палисадниках: у меня, возле домов в Ивановке, вот и у твоей бабушки Саши сколько её, да какой разной!

Послышался слабый стук колес. К дому подъехала легкая тележка со спинкой. Дяденька, сидевший спереди с вожжами, громко позвал: «Алена Григорьевна! Собирайся! – потом пошутит – «Ивановка-то по тебе уж соскучилась?!»

Мы все попрощались с надеждой на встречу, не ведая, что видимся с Аленой Григорьевной в последний раз.

Свидание с Ивановкой

Село Ивановка. 1965 г. Фото автора

1965-ый год. Москва. Жаркий июль. Я – журналист, недавно назначенный корреспондентом очень популярной у всех слушателей молодежной радиостанции «Юность». Добилась командировки на свою малую родину – Тамбовскую область. Буду собирать материал об Августе Луние, герое-комсомольце, погибшем во время Великой Отечественной войны. А основная-то цель – во что бы то ни стало попасть в Ивановку.

Работая в архиве обкома комсомола, узнаю, что путь до Ивановки далековат, километров 150. Сотрудник краеведческого музея подробно рассказал мне о жизни Рахманинова в Ивановке, показал часть небольшого зала с сохранившейся мебелью из имения, приобретенные музеем рукописи, ноты композитора. Когда же я сказала, что мне очень бы хотелось побывать в Ивановке, найти кого-нибудь из жителей села, кто видел Сергея Васильевича, что-нибудь помнит о нем, музейщик с сожалением развел руками: «Нет, никого не осталось, зря по такой жаре, по пыльной дороге будете мучиться». На том и распрощались.

Но существует на свете такая замечательная вещь – везение, особенно ценная для журналиста, поисковика, добывателя и дознавателя чего-либо. В областной художественной галерее разговорилась с одним живописцем, пожилым человеком. Повела ему о своем огорчении. А он мне спокойно говорит: «Просите обкомовский газик, собирайте все свое журналистское оснащение и на третьей скорости мчитесь в Ивановку. Разыщите там Ивана Давыдовича Купрякова, он совсем старенький, но память отменная, замечательный дед. Будет вам отличный, редкий материал».

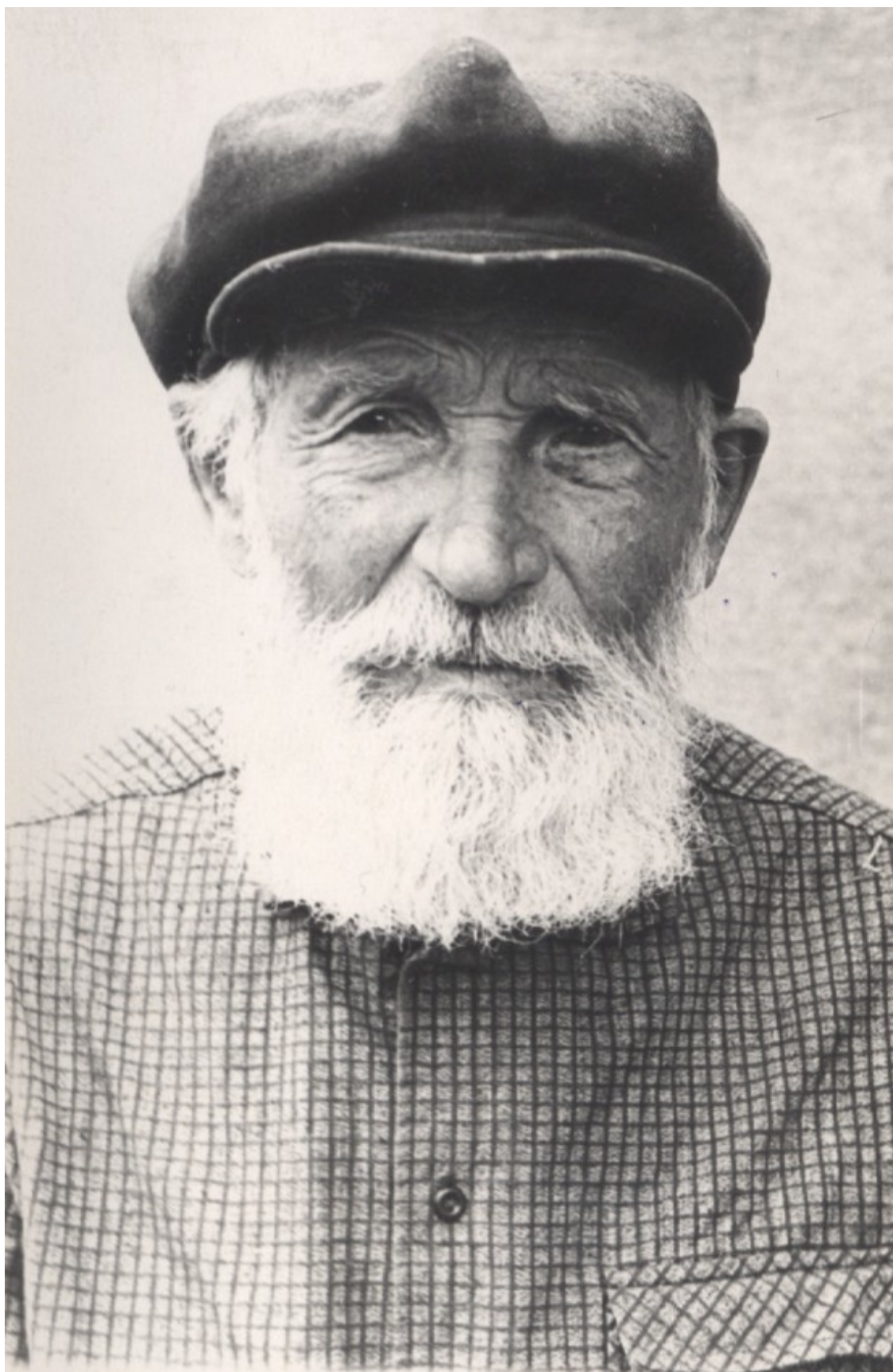
Поблагодарив своего спасителя, помчалась в обком, раздобыла газик, попросила водителя ехать самым коротким путем, прямо по степной целине. Едем. Кругом до горизонта – степь. Ровнехонькая. Ни пригорка, ни овражка. В Ивановке останавливаемся возле крайнего дома. Расспрашиваем, как нам найти Ивана Давыдовича Купрякова. Узнаем, что живет он на другом конце села. Нашли небольшой справный купряковский дом. Не успела я выйти из машины, а уж Иван Давыдович сам идет мне навстречу. Знакомимся. Объясняю, кто я

и зачем к нему приехала. Сразу же включаю «репортер», который моего собеседника несколько не смущает.

Далее я приведу отрывки из очерка, который сразу же по приезде из командировки, после расшифровки пленки с записью беседы с Иваном Давыдовичем Купряковым был опубликован в газете «Говорит Москва». Несколько позже я сделала три больших радиопередачи о Рахманинове в Ивановке, где звучало много его музыки и воспоминаний о нем.

Итак, бережно раскладываю половину чудом уцелевшей за более чем пятьдесят лет газетной полосы и предлагаю читателю фрагменты из серии «На репортерских тропах».

Иван Давыдович мне обрадовался. Старик не скрывает, что ему лестно видеть гостью из Москвы, которая не поленилась дать такой крюк и приехать персонально к нему. Иван Давыдович сед, улыбчив, словоохотлив, легок на ногу, памятливы, а он уже девятый десяток разменял.

Иван Давыдович Купряков, коренной житель Ивановки

Мы идем по деревенской улице, и Купряков рассказывает, где что было.

Родился Иван Давыдович в людской при имении. Отец его ходил за лошадьми, мать кухарила. Как подросток, определили его пасти небольшое овечье стадо. Овцы были дорогой шленской породы, и их держали отдельно от других. Здесь на выгонах и увидел впервые Ваня Купряков Сергея Васильевича, который приехал в Ивановку погостить у своей тётки. Рахманинову в то время было лет 17. Молодые господа держались просто, не чурались деревенских парней.

– Раз как-то – вспоминает Иван Давыдович, – решили они поставить спектакль. Народу сбежалось со всей деревни. Артисты в костюмы наряжались. Когда представление закончилось, вздумала молодёжь ракеты пускать. Ребятишки ликовали. Все хорошо обошлось, да только последняя ракета не зажглась. Зашипела, чиркнула и упала на конный двор. Шарили, шарили – не нашли. Только по домам разошлись, слышим набат. Пожар. Сгорела конюшня.

Когда Сергей Васильевич женился на Наталье Александровне Сатиной – своей двоюродной сестре, – они поселились в Ивановке и проводили здесь большую часть года. Рахманинов до тех пор никогда не занимался хозяйством, а тут ему пришлось взять на себя хлопоты. Как утверждают люди, близко знавшие его, Сергей Васильевич оказался хозяином рачительным, образованным и деятельным. Но о первых его шагах на этом поприще и до сего времени живут среди ивановцев байки.

Иван Давыдович смеется:

– Рассказывал мне бывший управляющий Петр Семенович. Едут они на дрожках, поля осматривают. Сергей Васильевич, дотошный такой, все выпрашивает. «Это что, рожь или пшеница?» Управляющий объясняет: «Рожь». «Как считаешь, уродилась?»

«Да, слава богу, колос тяжелый». Сергей Васильевич слезает с дрожек, щупает колос, удивляется: «Как же это на тонком стебле держится такой тяжёлый колос. Не упадёт? Поддерживать его ничем не надо?»

В другой раз проезжают мимо паров. Земля заросла травой, ромашкой, колокольцем. Пестрота веселая. Рахманинов заинтересовался: «Что это такое?» Управляющий не знает, как потолковее и покороче объяснить, что такое пар. Говорит: «Так себе, чебур-хабур». Рахманинов ему: «А нельзя ли, Петр Семенович, этого чебур-хабура побольше посеять?»

Приезжал Рахманинов в Ивановку ранней весной. Рояль всегда с собой привозил. Не раз Иван Давыдович вместе с мужиками перевозил на лошадях большой ларь, в котором был дорогой инструмент. Сергей Васильевич работал в угловой комнате. Целый день из открытых окон слышались звуки рояля. И те, кто находился в саду, не всегда в них улавливали стройную мелодию.

Купряков качает головой и лукаво улыбается:

– Моя хозяйка тоже в саду работала. Летом дел много. Всякая ягода, цветы. Наталья Александровна сама во все вникала, тоже весь день в заботах. Бывало, бабы подойдут к ней: «Наталья Александровна, а Сергей Васильевич все бренчит и бренчит. Попросите его для нас сыграть». Наталья Александровна – к окну. «Сережа, не нравится бабам твоя игра. Давай что-нибудь повеселее». А он – «ха-ха-ха!» Густой у него голос был, с хрипотцой. Смеется. И «камаринского» заиграет. Бабы платки долой и в плясовую. Тесть его, Александр Александрович иногда поворчит, не надо, мол, баб от дела отрывать. А Наталья Александровна вступается за баб: «Ничего, папа, они отдохнут, и работа бойчее пойдет».

Рассказываю Ивану Давыдовичу, что здесь, в Ивановке, жила родная сестра моей бабушки Алена Григорьевна Кузнецова. Помнит ли он ее?

– Вот те на! – всплескивает руками дед. Да кто ж ее на селе не знал! Уж как она пела, дак сам Сергей Васильевич слушал ее и говорил, какие чудеса есть в русском народе.

– А помните ее сына Петра, который привез со службы на Кавказе молодую жену-черкешенку. Имя-то ее было Мариам, а когда крестилась дали ей имя Мария?

– Как же не помнить?! Ведь вся деревня сбежалась на нее посмотреть. Красивая была, волосы, как смоль, черные, глаза карие, как спелые вишни. Трое ребятишек у них с Пет-

ром было. Маленькие, шустрые, черноглазые. Их черкесятами поддразнивали. Никого из них на селе не осталось. Как Петр умер, со всей семьей Машу родные к себе на Кавказ забрали.

Уже стемнело, заглодало, а Иван Давыдович рассказывал о последних годах жизни Рахманинова в Ивановке, о 1905 годе, о послеоктябрьских днях. Иван Давыдович «академиев не проходил» и с нотной грамотой не знаком. Да он и не пытается судить о Рахманинове как о композиторе. Он говорит о нем – о человеке. Долгую, нелегкую жизнь одолел простой русский крестьянин Иван Купряков. Он сеял хлеб, воевал, хоронил детей. Жаль, конечно, что ему не пришлось научиться тонко ценить музыку своего знаменитого земляка. Но Ивану Давыдовичу страстно хочется дожить до того времени, когда его внуки и правнуки в память о Рахманинове, восстановят парк, а в новой школе, которая строится на территории бывшего имения, ученики будут слушать музыку Рахманинова, будут учиться ее ценить. Будут учиться гордости за свое село, за свой край.

О самом дорогом уголке России

Рахманинова часто спрашивали, почему он не пишет воспоминаний о своей жизни? Ведь судьба гения так интересна всем в его изложении. Однако близкие знали, что при всей невероятной занятости, Сергей Васильевич очень хотел описать прожитые годы, но то одно важное дело, то другое не давали ему времени взяться за перо.

Однажды американская журналистка, которая хорошо знала немецкий язык, предложила Рахманинову легкий способ работы над воспоминаниями: он будет ей рассказывать, а она слово в слово записывать. Потом, естественно, Сергей Васильевич прочитает рукопись, сделает свои замечания, и текст сразу же пойдет на расхват во все популярные журналы. Неожиданное согласие автора немало удивило Наталью Александровну, которая была в курсе всех дел мужа. И все же решение приняли, работа началась. Сергей Васильевич рассказывал об Ивановке – самом дорогом ему и любимом уголке России. Когда же он получил запись, то сильно расстроился: журналистка так переделала его сердечные воспоминания в сухую статью, сочиненную ей самой, что Рахманинов тут же отказался от работы с ней и категорически запретил печатать, где бы то ни было материал, находившийся у нее.

Прошло несколько лет. Все это время близкие и друзья постоянно выражали огорчение о ненаписанных воспоминаниях. Наконец, родственнице Наталье Александровне, Софье Александровне Сатиной удалось почти силой усадить Сергея Васильевича в кресло, она расположилась за письменным столом и стенографировала его воспоминания. За один «сеанс» он успел рассказать только об Ивановке. Другого счастливого момента не случилось.

Дорогой читатель! Давайте вместе с вами раскроем I-ый том «Литературного наследия» Рахманинова и прочитаем такие теплые и трогательные его строки о деревне в русской глубинке – Ивановке.

В каждом русском есть тяга к земле, больше, чем какой-либо другой нации. У других, например, у американцев, я ее совсем не замечаю. Мне кажется, здесь она отсутствует. Когда я говорю про тягу к земле – не думайте, что в этом чувстве я подразумеваю любовь к стязанию. Нет, в мыслях русских людей о земле есть какое-то стремление к покою, к тишине, к любованию природой, среди которой он живет, и отчасти стремление к замкнутости. Мне кажется, в каждом русском человеке есть что-то от отшельника.

Начал я говорить об этой тяге к земле, потому что и у меня она имеется.

До 16-ти лет я жил в имениях, принадлежавших моей матери, но к 16-ти годам мои родители растеряли свое состояние, имения пропали, были распроданы и я уезжал на лето в имение моего родственника Сатина. С этого возраста вплоть до момента, когда я покинул Россию (навсегда?), целых 28 лет я и жил там. С 1910 года это имение перешло в мои руки. Находилось оно около 300 миль к юго-востоку, от Москвы и называлось оно Ивановкой. Туда я всегда стремился или на отдых и полный покой, или, наоборот, на усидчивую работу, которой окружающий покой благоприятствует. Положа руку на сердце, должен сказать, что и доньше туда стремлюсь.

С. В. Разманинов со своими дочерьми Ириной и Татьяной. Фотография начала 1910-х годов

Надо ли описывать вам это имение? Никаких природных красот, к которым обыкновенно причисляют горы, пропасти, моря, – там не было. Имение это было степное, а степь – это то же море, без конца и края, где вместо воды сплошные поля пшеницы, овса и т. д., от горизонта до горизонта. Часто хвалят морской воздух, но если бы вы знали воздух с его ароматом земли и всего растущего. Был в этом имении большой парк, насаженный руками, в мое время уже пятидесятилетний. Были большие фруктовые сады и большое озеро. Послед-

ние годы моего пребывания там, когда имение перешло в мои руки, я очень увлекался ведением хозяйства. Это увлечение не встречало сочувствия в моей семье, которая боялась, что хозяйственные интересы отодвинут меня от музыкальной деятельности. Но я прилежно работал зимой, концертами «делал деньги», часть их клал в землю, улучшал и управление, и живой инвентарь, и машины.

В начале 1914 года, не ожидая, как и никто, впрочем, войны, я дошел до своего предела мечты, а мечта эта была – покупка сильного американского трактора. Помню, что я хотел произвести эту покупку через наше министерство земледелия. Я приехал к одному из директоров Департамента, моему знакомому, и изложил ему свою просьбу. Он меня долго отговаривал, убеждая, что при количестве лошадей, которые у меня были, а было их около 100, мне трактор не нужен совершенно. В заключение, довольно раздраженно поставил вопрос: «да что же Вы будете делать на этом тракторе?» – «Сам буду на нем ездить», – ответил я. Он согласился, подумав, вероятно, что каждый человек по своему с ума сходит, и обещал доставить нужный мне трактор к осенней работе. Трактора этого я так и не увидел никогда. В августе началась война...

Ветка белой сирени

Каждый раз, когда Рахманинов выступал в концерте как дирижер или как пианист, в антракте, когда сцена была пуста, из-за кулис выходил служитель. Он бережно нес ветку с большой гроздью белой сирени, клал ее либо на пюпитр, либо на рояль и безмолвно удалялся. Входя в зал после перерыва, Сергей Васильевич сразу же видел эту ветку, осторожно брал ее, прижимал к груди, вдыхал аромат цветка, и, обратившись к публике в легком изящном полупоклоне, благодарил за подарок.

Это было на каждом концерте, где бы он ни проходил: в России или в Европе. Все догадывались, что скромная ветка сирени – знак глубокого сильного, нежного чувства. Таинственная незнакомка. Многие почитатели великого композитора пытались разгадать эту тайну. Назывались имена нескольких богатых поклонниц, в их список попала и наша известная писательница Мариэтта Шагинян, состоявшая с Рахманиновым в переписке, и большая охотница до всяких загадочных историй. Уже композитор закончил свой жизненный путь, а тайна ветки белой сирени продолжала волновать тех, кому было знакомо имя гения русской музыки.

Не скрою, среди искавших имя этой дамы-невидимки была и я. Приготовившись к длительной поисковой работе, к своему удивлению довольно скоро нашла небольшую заметку в старом музыкальном журнале о некоей Фёкле Яковлевне Руссо. Потом оказалось, что о ней коротко упоминается в разных публикациях о Рахманинове. Так кто же она такая, ничем не напоминающая таинственную незнакомку?

Фёкла Яковлевна Руссо родилась и выросла в интеллигентной русской семье, получила хорошее образование и, следуя прогрессивным веяниям того времени, решила посвятить себя просвещению народа. Она стала учительницей. Когда же вышла замуж за очень состоятельного человека, поселилась вместе с ним в Киевской губернии. В их семье родилось трое детей и молодая женщина посвятила себя их воспитанию. Она рано овдовела. Дети подрастали. Чтобы дать им достойное образование, мать решила переехать в Москву, благо средства на это позволяли.

Фёкла Яковлевна жила затворницей, всю себя посвящая детям и домашнему хозяйству. Однажды ее навестила родственница и пригласила пойти на концерт Рахманинова, о котором в Москве много говорили и писали. Отказаться было невежливо. Согласилась, не ведая о том. Что с этого концерта начнется ее возрождение к новой жизни. Музыку Рахманинова, его романсы, особенно «Сирень» она слушала, заливаясь счастливыми слезами. Она купила билеты на следующий концерт. Вошла в зал, держа ветку благоухающей белой сирени. В перерыве попросила служителя положить свой подарок на черную крышку рояля. Рахманинов был растроган.

Теперь Фёкла Яковлевна посещала все его выступления с неизменной белой сиренью. Конец ветки она оборачивала кусочком бумаги, на котором значились всего две буквы БС (белая сирень). Прошло некоторое время, и скромная женщина решилась написать письмо своему кумиру, выразив благодарность за то, что он вернул ей радость жизни. Рахманинов ответил ей признательностью за внимание к его творчеству, за веточки белой сирени, ставшие для него талисманом. Переписка была не постоянной, от случая к случаю, потом, когда композитор уехал за границу, и вовсе прекратилась. Так, никогда не встретившись друг с другом, они и расстались навсегда.

Однако почему с веткой белой сирени упоминалось имя Мариэтты Шагинян? Да, она состояла с ним в переписке с 1912-го по 1917-ый год. Свои письма подписывала нотой РЕ. Пять лет срок немалый. И потом ни для кого не было секретом, что Мариэтта Сергеевна подбирала Рахманинову стихи для романсов. Последние четыре года они нередко встречались в Москве, Сергей Васильевич даже навещал свою знакомую, жившую в доме, в маленьком переулке. Он

приезжал на роскошной машине, сам ее водил, оставлял у ворот и мальчишки со всех ног бежали смотреть на заморское чудо.

В своих мемуарах Мариэтта Сергеевна вспоминала Рахманинова как интересного собеседника, иронично относившегося к «вумным» (по его выражению) философским разговорам об искусстве. Он был прост в общении, любил пошутить и внимательно слушал собеседника.

Неужели Шагинян утаила свое участие в трогательной игре с веткой белой сирени?

1976 год. 12 апреля. Народный артист СССР Андрей Попов (с которым мне выпало счастье дружить семьями) отмечает свое 58-летие. На этот раз среди гостей его школьные друзья. Узнаю Мирель Яковлевну – дочь Мариэтты Шагинян. Улучив удобную минуту, подсаживаюсь к ней и спрашиваю: не рассказывала ли ее мама о том, что когда-либо дарила Рахманинову ветку белой сирени? Мирель Яковлевна, грузная, с полным смуглым лицом дама добродушно улыбнулась: «Нет, голубушка, ничем тебя не порадую. Когда мама впервые пришла на выступление Рахманинова, сирень уже была. Не в мамином характере пристраиваться к чьей-то игре. Да и потом... все близкие, друзья Сергея Васильевича знали эту историю. А вот совсем другое дело – ответить на вопрос, кто продолжил игру потом, когда Рахманинов уехал?» Мирель Яковлевна выразительно подняла густые брови и развела руками, окольцованными серебряными с чеканкой браслетами.

Однако все на свете тайное когда-нибудь становится явным. Ждать пришлось долго. Более полувека. Почему так долго? Об этом читатель узнает в конце главы.

Итак, вернемся к началу 90-х годов, в один из знаменитых концертных залов, где в тот вечер выступает великий Рахманинов. Заканчивается первая часть музыкальной программы. Антракт. Служитель не торопясь выходит из-за кулис, бережно неся ветку белой сирени. Кладет ее либо на черную крышку рояля, либо на пюпитр и тихо уходит. Публика, с нетерпением ожидающая этого магического момента – случится он или не случится? Да! Ветка белой сирени на сцене! Чудо продолжается. Зал громко аплодирует, люди оглядываются по сторонам: не выдаст ли чем-нибудь себя таинственная незнакомка? Нет! Все как обычно. Но никто из многочисленных посетителей не догадывается о том, что в этом большом красивом зале только троим хорошо известно, что это за ветка: тот, кому она подарена, его жена, сидящая в зале, и та юная, очаровательная девушка, которая всегда напоминает о себе, о своем горячем чувстве к любимому ей человеку. Эта девушка – Лана Даль.

Где же и как свела их судьба на долгие годы верной дружбы и нежной любви?

1897-ой год. Петербург. Хорошо известный в Москве молодой Сергей Рахманинов готовится представить публике свою Первую симфонию. Имя дебютанта почти незнакомо петербургским любителям музыки. Дирижировать произведения молодого композитора предстояло уже тогда знаменитому Александру Глазунову. Случилось непредвиденное: дирижер слишком небрежно отнесся к творчеству своего начинающего коллеги, не побеседовал с ним, симфонию не только не проработал, не вник в стиль музыканта нового времени, а просто просмотрел по касательной, да к тому же за пульт встал, как свидетельствуют современники, не восстановившись от вчерашнего возлияния.

Провал I-ой симфонии был оглушительный: публика демонстративно покидала зал, пресса, можно сказать «высекла» строптивного представителя новых форм в отечественной музыке.

Молодой композитор впал в глубокую депрессию, вид рояля, нотной бумаги вызывал в нем душевное страдание.

Его друг пианист Александр Гольденвезер посоветовал ему обратиться к известному психиатру Далю. Николай Владимирович получил хорошее образование и практику за границей и вообще очень интересный человек. Он наверняка поможет. Рахманинов пришел к Далю, но того дома не оказалось. Пациента встретила его дочь, очень симпатичная, веселая девушка.

Они познакомились, разговорились и Лана (так необычно звали девушку) совершенно незаметно для Сергея Васильевича легкой, изящной светской беседой сняла с его души тягостное напряжение и он, когда вошел Даль, даже пожалел, что надо проходить к доктору в кабинет и рассказывать о своем неблагополучном здоровье. На лечение потребовалось определенное время, которое Сергей Васильевич проводил со все более частым и более продолжительным общением с Ланой. Она обладала редким умением чувствовать малейшие движения души интересного ей человека, мудро понимала его. Как опытный сапер она находила и отсекала тончайшие хитро спрятанные больные нервные ниточки, чтобы не допустить взрыва. Она быстрее, чем ее отец-ученый, практик пробудила в своем друге тягу к творчеству, к совершенствованию мастерства пианиста. Да и только ли их связала тесная преданная дружба? Нет. День за днем, событие за событием рождало в их сердцах любовь яркую, страстную, непоколебимую.

Рахманинов рассказывал Лане о своей любимой Ивановке, как он стремился туда к той поре, когда буйно зацветет сирень. Особенно нравился ему редкий сорт белой сирени, аромат которой был чуть более острый, с горчинкой. Этот чудесный запах был ароматом его жизни, и душа откликнулась на него сильным волнением... Порой до слез.

А как же Наташа Сатина? Ведь всего лишь год назад он видел ее и только ее своей женой. Он был уверен, что лучшей спутницы своей жизни ему не найти. Да и потом планы, связанные с ивановским именем...

Лана все прекрасно понимала. Приговор она вынесла себе сама: их любовь будет тайной для всех, но на всю жизнь. Так оно и случилось. Ни он, ни она не изменили своему чувству. Их любовь пережила много горя. Но когда они в редкие дни были вместе, счастьем их могли завидовать боги. Лане чаще приходилось жертвовать собой. Когда семья Рахманиновых решила покинуть Россию, даже такой знаменитый композитор не смог достать визу. Это сделала через своих влиятельных знакомых Лана. Она понимала, что навсегда расстанется с любимым, но ради него она готова была на все.

В самом конце декабря 1917-го года семья Рахманиновых пересекла границу между Россией и Финляндией. Все имущество, все нажитое оставалось на родине. Уезжали с двумя детьми и двумя чемоданами.

Скоро в Финляндию пришло приглашение от шведского короля. В Швеции начались концертные выступления Рахманинова, потом – гастроль по Европе. Осенью 1918 года семья уехала в Нью-Йорк.

Несколько лет Лана прожила в России. В 20-х годах она эмигрировала в Америку. От друзей или просто от случайных знакомых она знала, что Новый свет очень тепло принял знаменитого композитора, открыл перед ним двери всех прославленных залов, о нем много и восторженно писали. Лана понимала, что Рахманинов для нее потерян навсегда. Приехав в Нью-Йорк, она увидела большие афиши, извещающие о предстоящем концерте композитора. Лана долго стояла перед красочным объявлением и долго размышляла над тем, как ей быть. Наверное ее любимый уже свyksя с тяжелой потерей... Громкая слава... Неустанная работа... А самое главное – семья. Имеет ли она право нарушить прочный мир дорогих друг другу людей, оказавшихся здесь, на чужбине? Но как трепетно забилося ее сердце, какой несказанной радостью откликнулась ее одинокая душа на яркие буквы афиши! Лана купила билет на концерт, нашла фешенебельный цветочный магазин, где к услугам покупателей предлагалось все, что только они пожелают. Лана выбрала ветку белой сирени. Вечером эта ветка лежала на черной крышке рояля. Они снова были вместе.

Последняя весна

Рахманинов был очень состоятельным человеком. Он мог построить себе замок на экзотическом полуострове в Швейцарии, жить в самых дорогих отелях мира, покупать или заказывать самым знаменитым мастерам уникальные фортепьяно. Однако с возрастом его чаще тянуло к домашнему уюту, который так превосходно всю их совместную жизнь умела создать Наталья Александровна.

Основная огромная квартира находилась в Нью-Йорке, а с приближением весны вся семья перебиралась на юг, в Калифорнию. Здесь Сергей Васильевич купил небольшой, но очень красивый, хорошо спланированный дом с ухоженным садом. Лана всегда была где-то поблизости. Прошедшие годы ничего не изменили в их отношениях, разве что они, пригасив жаркий пламень молодых лет, стали еще более теплыми, задушевными. В уютном доме Ланы Рахманинов бывал частым гостем. Наталья Александровна, конечно, знала об этом, но никогда мужу даже намек не давала на свою ревность. Она любила Сережу с тех пор, как помнила себя. Ее чувство было всепобеждающим и всепрощающим. Что касается самого Рахманинова, он всю жизнь считал Наталью Александровну идеальной женой, самым верным своим другом, прекрасной матерью своих дочерей. В их семье никогда не было разлада. Об этом знали все друзья, этому свидетелями были все близкие и родные люди.

Настал март 1943 года. Приближалось семидесятилетие великого Рахманинова. К этому юбилею готовилась вся музыкальная общественность мира, готовилась семья. Наталью Александровну несколько беспокоило здоровье Сергея Васильевича. У него держалась повышенная температура, он постоянно кашлял. Доктора его успокаивали – обычный синдром заядлого многолетнего курильщика. Только Наталье Александровне сообщили диагноз – онкология. Применялись все лекарства, все средства, но больной быстро терял жизненные силы, стал впадать в беспамятство. 26 марта пригласили священника. Он соборовал Сергея Васильевича, исповедовал и причастил его. 27-го марта Наталья Александровна вызвала шофера и дала ему адрес Ланы. Возле умирающего Рахманинова стояли две самые дорогие ему женщины. В предсмертном бреду ему слышалась музыка. Он слабым голосом сказал: «Послушайте... Это моя «Всенощная». 28 марта его не стало.

В 1958 году американский пианист Ван Клиберн на могиле Рахманинова посадил куст сирени

Похоронили Рахманинова при огромном стечении народа на красивом кладбище Кен-сико в предместье Нью-Йорка. На могиле установлен большой светло-серого мрамора крест. Там же позже были похоронены Наталья Александровна и дочь Ирина.

В 1958-ом году, когда в Москве проходил I-ый Международный конкурс пианистов. Ван Клиберн, завоевавший высшую награду и горячую симпатию всей России, возвращался в Америку с драгоценным подарком для Рахманинова. На его могиле он посадил куст белой сирени, с землей, взятой с могилы Чайковского.

А память жива

Более полувека прошло с тех пор, когда я, возвращаясь из Ивановки, попросила водителя заехать в Хорошавку, где жила моя милая бабушка Саша и где я под густыми кустами сирени, выросшими из саженцев рахманиновского имения, играла в свои детские игры.

В опрятном белом кирпичном доме жили незнакомые мне люди. Я кликнула хозяйку, объяснила ей свою просьбу и та с охотой побежала за лопаточкой, накопила мне со свежими крепенькими корешками целый пучок саженцев, завернула их в мокрую тряпицу и подала мне, как букет дорогих цветов. Это был последний день моей командировки. Приехав в Москву, я тут же отправилась на дачу. Тощий подмосковный суглинок не мог равняться с жирным тамбовским черноземом. Пришлось собирать перегной, подкармливать прутики удобрениями. Все саженцы принялись, и на третий год зацвела рахманиновская сирень. И сейчас цветет каждую весну.

Когда майским днем я добираюсь до своего дачного участка и вижу, как моя соседка десятилетняя Сонечка Лучина стоит возле молодых кустов сирени и любуется тяжелыми душистыми гроздьями, я с волнением и нежностью думаю о том, что прекрасное никогда не кончается. Прекрасное живет вечно.

Тихая его Россия

Народный художник России Сергей Алексеевич Куприянов

Светает. Над водой поднимается сизый туман. Словно сквозь кисею смутно виднеются силуэты храмов и колокольни Иверского монастыря на острове посреди реки...

Художник остановился возле воды среди густых зарослей на том месте, которое выбрал вчера. Устроил этюдник, приготовил краски и замер, как замерло все в ожидании первого луча. И вот он иглой пронзил свинцово-малиновый край неба, потянул на сверкающей нити огненный шар. Уже показалось на горизонте полукружье алой короны, но еще не вспыхнуло ярким ответным пламенем чистое золото куполов. Темные кусты, ажурной каймой опоясывающие остров, постепенно желтеют – это ивняк, буйно цветущий пушистыми комочками. Матовая лазурь неба, синева воды, сиреневые ветки ивняка в тающем тумане...

Быстрые точные мазки ложатся на картон. «Остановись, мгновенье. Ты прекрасно!»

Солнце плавно поднимается, окрашивая и землю, и небосвод по своей изменчивой прихоти, но здесь, на плотной бумаге, чудный миг рождения утра останется навечно и будет называться «Солнце встает над Валдаем». В правом нижнем углу картины – подпись С. Куприянов.

Если отобрать все работы с автографами Народного художника России Сергея Алексеевича Куприянова, выполненные за полвека его творчества, то огромной выставочной площади Большого Манежа явно было бы мало.

Работы Сергея Куприянова узнаваемы сразу, как узнаваем голос любимого певца. В основном это пейзажи, цветы, натюрморты. Акварель. Пастель. Ничего экзотического, ошеломляющего, яркого буйства красок, солнечного блеска, необычных ракурсов. Средняя полоса России, Подмосковье, улочки Замоскворечья, разноцветье лугов и полей. Глядя на эти, казалось бы, непритязательные сюжеты, невольно вспоминаешь строки Анны Ахматовой из её цикла «Тайны ремесла»:

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.*

«Тихая моя Россия». Более точное и сердечное название для персональной выставки трудно выбрать. Каждое слово здесь, как символ, полно особого смысла. Это, по существу, зеркало всего творчества глубоко национального русского художника Сергея Куприянова.

Каждый раз, бывая на вернисажах Сергея Куприянова, стараюсь определить свое душевное состояние. В минуты, проведенные возле работ «Снег выпал», «Март», «Поют зяблики», «Стожок», «Рябинка», «Улица Островского», – оно радостно-нежное.

Подолгу стою и не могу наглядеться на осенние пейзажи: «Когда роняет лес багряный свой убор», «Октябрь. Вечереет», «Золотая аллея», «Краски осени». А вот одноэтажный замоскворецкий деревянный домик с мокрой от дождя крышей. Бьет резкий ветер-листобой. Холодно. Но в домике два окна освещены. Пусть на улице непогода, а там, в комнате, уютно и тепло, хозяева пьют вечерний чай за столом под абажуром и ведут неспешную беседу. Почему-то особенно волнуют освещенные окна и мокрое железо крыши. Немного грустно, однако «печаль моя светла».

Возле этих работ охватывает печаль горькая. Сердце сжимается от жалости к двум старым людям, медленно идущим под морозящим дождём. Когда-то они жили на Старом Арбате, у них был гостеприимный дом, в котором звучала музыка и слышалась подлинная московская речь. Быть может, она была пианисткой, а он – известным ученым... Но особнячок их снесли. Пришлось переезжать в спальный район, в серую громадину-коробку. Сегодня редкий случай, когда супруги выбрали в город. Скорее всего, они навещали сына или дочь, у которых не складывается семейная жизнь. Что ж тут поделать? Они стараются успокоить друг друга, но согбенные спины, изнуренные годами, ноги-спички... Все убеждает нас – горе стариков безутешно.

Здесь росли вековые дубы, летом вокруг цветущих раскидистых лип роились пчелы, темно-зелеными шатрами высились могучие ели. Теперь только вывороченные пни, запустение, мрак, да ворона, зловеще оглядывающая свои владения, а на заднем плане – дача с невыносимой архитектурой. Такова картина «Дума о русском лесе».

Тут славно отдохнули «любители природы». Пустые бутылки, консервные банки, смятые яркие пачки из-под сигарет, вытопанная трава. Это называется «Погоуляли».

Разная она, наша Россия. Медленно проходишь по залам, и вдруг начинает казаться, что где-то далеко плывет малиновый звон, слышатся голоса певчих, лицо согревает пламя свечи перед образом Спасителя. Храмы, церквушки, часовенки. Они всегда часть пейзажа, а не сами по себе. Храм Василия Блаженного видится сквозь белые стволы берез, а золотые «луковки» и купол церкви Преображения в Переделкине затянуты легким кружевным занавесом ветвей, «Усыпальница Прохоровых» стоит в лиловых гроздьях сирени. Невольно думаешь, чья красота возвышеннее – рукотворная или нерукотворная? Ответа нет, потому что красота Божьего храма и красота Божьего мира неразделимы.

Может быть, оттого, что она была первой, может, по особой удаче, но персональная выставка работ 1990 года в только что отреставрированном здании на Солянке была необыкновенна, празднична и торжественна. Стены залов с изящными нишами выкрашены синей, белой, темно-малиновой краской. Как удивительно заиграли на этом фоне золотые купола храмов, пейзажи «пышного природы увяданья», «неба неземная благодать», по определению писательницы Светланы Кайдаш-Лакшиной – «это небо, в котором живет Бог». Перед посетителями предстали «сады вишневые, как молоком облитые», алый свет зари, разливающийся «по зеркальной воде, по кудрям лозняка», маленькие «прудики со старыми мостками, где тина на парчу похожа».

Смотришь на куприяновские работы и вспоминаются строки стихов. Самых разных, самых волнующих.

*Весна, весна! И всё ей радо.
Как в забытьи каком стоишь
И слышишь свежий запах сада
И теплый запах талых крыш.*

Сергей Куприянов. Черемуха

Из рассказов о великих художниках приходит на память впечатление, которое на Верещагина произвели шишкинские «Сосны». Разведя руками, знаменитый баталист в восторге воскликнул: «Ведь знаю, что полотно, а совершенно ясно ощущаю тепло, солнечный свет и до иллюзии чувствую аромат сосны!»

На всех выставках возле работ «Куст сирени», «Белая сирень», «Ландыши», «Черемуха и фиалки», «Пионы», «Флоксы у дома» посетители задерживаются в радостном недоумении: явственно «слышится» аромат цветов.

Из записей в книге отзывов:

«Я уже давно не был на природе. Живу в каменном мешке. Вы сделали чудо – подарили мне мир лугов и полей, прелесть раннего утра и позднего вечера, ни с чем не сравнимый запах свежей сирени. И на какое-то время вернули меня в детство, которое прошло на Патриарших прудах. Великое Вам спасибо.

Старый москвич А. И. Красков».

«Вроде бы знакомые картины. Но художник как бы говорит нам: «Не спешите пройти мимо. Всмотритесь. Вдумайтесь. Это наша Родина. Пусть она не потрясает взор, она согревает сердце». Творчество Сергея Куприянова расширяет и углубляет духовный мир людей, жаждущих этой духовности, особенно в наше беспокойное время. Низкий ему поклон.

Г. М. Боронина, учительница из Твери».

Сергей Алексеевич Куприянов родился в Москве 8 января 1928 года. На второй день после Рождества Христова, уступив место главному великому событию. Говорят, что в жизни человека ничего не бывает случайного. Возможно, время появления на свет этого большого художника наложило печать на его характер. Терпеливость, сдерживающая желание вырваться вперед. Не показно, но глубоко верующий, он безмерно добр, щедр и совестлив. Отчаянно трудолюбив. Не тщеславен настолько, что долгие годы безропотно уступал свое право на персональную выставку и более молодым, и менее заслуженным коллегам. Когда же решился обнародовать многолетний и многожанровый труд, в цеховой казне не оказалось денег, и, стало быть, на выставку пришлось находить средства в скромном семейном бюджете. Все свои выставки Народный художник России Сергей Куприянов делал за свой счет. Упоминаю об этом не с целью упрека властям предрержащим (чего никогда не позволял себе Сергей Алексеевич), а лишь пытаюсь обратить внимание на это свойство его характера – всегда проникнуться сочувствием к ближнему.

Сергей Куприянов. Виола

И еще. Он застенчив, не любит публичности. Молчалив, но с интересом слушает собеседника. Закрыт, но душевно распахнут на доброе дело. Вот такое причудливое сочетание в человеке внешних строгих черно-белых тонов и нежных переливов всех цветов радуги романтической души.

Мы дружим уже более тридцати лет. Об ином человеке за эти годы узнаешь столько разных подробностей, что можно роман написать. С Сергеем Куприяновым все обстоит по-другому. При таком близком знакомстве я знала лишь его биографию, но не жизнь. Начав писать о нем, особенно остро почувствовала, что не могу ответить на многие где? когда? почему? зачем?...

Однажды решили мы с моим героем выкроить вечер и поговорить о его жизни, а магнитофон пусть себе крутится, записывает нашу беседу. Каково же было мое удивление, когда при встрече в мастерской, устраиваясь на долгий разговор, Сергей Алексеевич подал мне кипу

листов, исписанных его крупным с левым наклоном почерком. На вопрос, как же он сподобился на сей подвиг, ответил смущенно: «Разве о детстве, о войне расскажешь? А написать, это почти как нарисовать».

Давайте вместе с вами, читатель, как альбом с этюдами художника Сергея Куприянова, перелистаем некоторые страницы его жизни.

Сергей Куприянов. Сирень

***

«Чаще всего я вспоминаю Москву довоенную, середины 30-х годов, когда Калужская застава, Застава Ильича, Птичий рынок, Лефортово, вокзалы Белорусский, Рижский, Киевский находились в черте города, а дальше шел пригород. Никаких электричек. Ходили поезда с паровичками. Остановки были: Матвеевская, Очаково, Сетунь, Кунцево, Фили... Люди выходили на платформу и шли в эти поселки, деревни через поля, перелески. Шли домой или на дачи. А сейчас это уже названия московских районов, и окраиной их не назовешь.

В те времена силуэт Москвы и городские строения вырисовывались четко: купола с какими-то пристройками на крышах, затейливые башенки, разновысокие дома, ворота с арками; у ворот – глубоко врытые каменные тумбы, наверное, для того, чтобы удобнее было садиться верхом на лошадь. У каждого дома – либо красивая чугунная решетка, либо калитка и непременно – дворник в белом переднике с бляхой-номером. Мы, ребяташки, дворников очень боялись, потому что они следили за порядком во дворе и на улице.

Сейчас Москва за бывшими заставами – типовая, однообразная, безликая. Мама моя живет в Ясенево. Приеду ее навестить, посмотрю вокруг – нагромождения жилья из стекла и бетона. Глазу остановиться не на чем. А ведь у архитекторов была задумка сделать каждый район своеобразным и по застройкам и по ландшафту, как планировалось сделать центр и мое любимое Замоскворечье заповедной зоной. Кто же нарушил все эти планы? Теперь не успеешь опомниться, как на месте старого прелестного особнячка уже гряда развалин, из которых вырастает либо банк, либо офис, либо дом элитный самой невероятной архитектуры, самого

нелепого стиля. А ведь Москва – город уникальный. Не только со своим лицом, но и со своей мелодией, со своим характером.

Помню, у нас до войны на Серпуховской площади полукругом стояли извозчики. Каждый в синем армяке, красным кушаком подпоясан. Дедушка мой очень любил лошадей. Он приходил к нам по воскресеньям и вел нас с братом на Серпуховку. Выбирал лошадь, обязательно серую в яблоках. Мы садились летом в коляску, зимой в сани, возчик укрывал нас кожаной полостью на меху, и поехали! Только снег из-под копыт летит нам в лицо, да лошадиный хвост из-за спины кучера по ветру развеивается. Лихо мчатся сани по булыжной мостовой! Какое это было счастье!

А весной! Как пахло во дворе почками тополя, цветущим кленом. Потом зацвели яблони, груши, сирень. Всюду росла трава, дорожки были выложены из толстых квадратных камней. Ударишь металлическим шариком об такой камень, и он подпрыгивает высоко-высоко. И куры ходили по траве с красивым петухом. У дома, в котором жили хозяева по фамилии Господчиковы, было резное крыльцо. Однажды я видел, как возле этого крыльца стояла нарядная коляска с открытым верхом и запряженная в нее белая лошадь. Из дома вышла дама в белом платье с белым зонтом и села в коляску. Ну, прямо как у Чехова!

Во двор то и дело заходили разные умельцы и громкими голосами предлагали свои услуги. «Стекла вставляем!» – кричали одни. «Диваны, матрасы починяем!» – кричали другие. «Худые кастрюли, чайники лудим, паяем!» – зычно сообщали третьи. А еще ходили мужички с мешком и сумкой. Они собирали пустые бутылки, взамен давали мячики из яркой бумаги на резинке в форме срезанного помидора или пищалку «уди-уди».

Какой мальчишка растет без драки? Случались и у нас во дворе потасовки, но не такие кровавые, как сейчас. Тогда был железный закон: если кто упал, лежачего не били. А сейчас, если упал, добивают ногами. Даже спорт есть такой, где бьют и руками и ногами. А раз спорт, то, стало быть, есть и чемпионы.

Мы с братом были послушными детьми. Если мама звала нас домой, то мы прекращали игру и уходили со двора. Ребята считали, что мы маменькины сынки, и подтрунивали над нами. А раз маменькин сынок – значит, слабак. Однажды подходит ко мне наш пацан и говорит: «Давай стыкнемся!» Я говорю: «Давай». Сам, конечно, боюсь, противник-то явно сильнее и ловчее меня. Он спрашивает: «В морду бьем?» – «Бьем!» – и пошли друг на друга с кулаками. Я ему по носу стукнул, и у него кровь сильно потекла. Я потащил его к себе домой. Мама умыла его холодной водой, сделала ватный тампон, и, когда кровь остановилась, мы вместе пошли во двор, но уже больше не дрались. С тех пор отношение ребят ко мне резко изменилось. Они поняли, что я хоть и послушный сын, но за себя постоять могу.

В доме на Пятницкой мы жили большим кланом. Дедушка, бабушка, дяди, тети, двоюродные братья и сестры. По существу это была коммунальная квартира, но жили мы очень дружно, весело справляли праздники.

Папа мой, Алексей Павлович Куприянов, был художником, мама, Людмила Георгиевна, пела в хоре Московской филармонии. Мы часто бывали там на концертах. Я очень гордился тем, что у меня такая красивая и талантливая мама. Однако, видя, каким кропотливым ежедневным трудом родители достигают успеха, я довольно-таки рано понял, что у любого искусства есть две стороны: одна – яркая, праздничная (художественные выставки, где были папины картины, концерты в красивых залах, где выступала мама), другая – будничная, трудная, порой утомительная (долгие мамины репетиции с разучиванием какого-нибудь музыкального произведения, папа, до глубокой ночи стоящий у мольберта или сидящий за столом и что-то кропотливо рисующий). Папа очень хотел, чтобы я стал художником. Он подрабатывал в одном промышленном издательстве – рисовал этикетки для всяких товаров. Я с замиранием сердца смотрел, как на белом листе бумаги появлялись фрукты, овощи, цветы, рыбы, а потом я их видел в витринах магазинов. Они были наклеены на стеклянных банках с компотом, на консер-

вах, на коробках с конфетами. И я считал, что все эти продукты немного наши. Когда я подрос, папа стал доверять мне несложную работу в таких рисунках. Я очень старался, и папа меня хвалил. Он был доволен, когда узнал, что я записался в изостудию Городского Дома пионеров. Ею руководил хороший художник и замечательный человек Александр Михайлович Михайлов. Он дожил до глубокой старости, всегда бывал на моих выставках, и мы с ним дружили.

Сергей Куприянов. Настурция. 1996 г

Летом мы снимали дачу в подмосковном Алабино, а в гости к нам приезжал известный художник, большой папин друг Василий Николаевич Бакшеев. Они вместе ходили на этюды. Иногда брали меня с собой. Мне было очень интересно смотреть, как из месива красок на палитре появлялись рисунки: березки, тропинки, небо с облаками. Два художника стояли рядом, а картины получались разные.

В 1939 году папа тяжело заболел и умер. Ему было всего лишь 42 года. Василий Николаевич остался до последних своих дней верным другом нашей семьи. Помогал и деньгами и советом. Именно он побуждал меня к занятиям живописью. Когда я был подростком, Василий Николаевич вместе с моим папой старались пробудить во мне интерес к природе. Папа знал все растения, цветы, травы и очень занимательно о них рассказывал. Он различал птиц по голосам и меня учил слушать их. Потом, когда я поступил в художественную школу, Бакшеев часто звал меня к себе на дачу, и мы вместе с ним ходили на этюды. Он учил меня «выбирать» пейзаж, очень интересно рассказывал о свете, полутонах, цвете, законах живописи.

Василий Николаевич был не только большой художник, но и прекрасный педагог. Это я уже потом понял. А тогда он много меня расспрашивал о том, что я читаю. Всегда напоминал высказывание Стасова: «Литература есть старшая сестра живописи». Сам же любил повторять свой наказ: «Трудись, Сережа, без усталости. Какой бы талант большой ни был дан от природы, он угаснет, если человек будет мало работать».

А как он знал работы великих русских художников! Особенно своих учителей Саврасова, Маковского, Поленова и своих товарищей по учебе Левитана, Архипова, Корина. Об их творчестве, даже об отдельных деталях той или иной картины Василий Николаевич мог увлеченно говорить часами. Я же, возвращаясь от него, брал альбом с картинами этих художников, книги о них и до поздней ночи внимательно всматривался, вчитывался – так мне хотелось понять тайну их таланта. Уроки Бакшеева я помню до сих пор.

22 июня 1941 года застало нас в Алабино. Вскоре начались налеты на Москву, бомбежки. Надвигалась холодная и голодная зима. Тысячи составов с людьми и промышленным оборудованием потянулись на восток. Нам тоже предстояла эвакуация. И тут мамин брат Владимир Георгиевич Константинов, который был ведущим инженером на северных нефтяных разработках, приглашает нас к себе в город Ухту. Особых благ не сулит, но крышу над головой, пропитание – обещает.

Первое, что мы увидели в Ухте – это колонны заключенных, которых под охраной вели куда-то. На всех нас это произвело тягостное впечатление. Однако вскоре мы к такому зрелищу привыкнем, потому что заключённые будут везде: на лесоповалах, на ремонте железной дороги, в шахтах. Моему дяде приходилось с ними работать, и он говорил, что среди них есть очень известные люди – писатели, артисты, ученые, и он старался сделать все возможное, чтобы хоть чем-нибудь облегчить их положение. Ну, а мы жили, как все, – трудно. Дядя иногда брал меня с собой на охоту, давал ружье, и я научился метко стрелять. Мне нравилось бродить по тайге. Красота. Романтика. Я даже стал видеть себя геологом. Наверное, это шло оттого, что эти люди тесно связаны с природой.

Летом всех школьников отправляли в колхоз, у меня даже сохранилась трудовая книжка с начисленными трудоднями, а их запросто так не начисляли. Работа была тяжелая. С зари и до зари. Все для фронта, все для победы. Жали серпом рожь, вязали снопы, потом их складывали в копны. Телег в колхозе не было, а были сани с широкими полозьями. Они хорошо скользили по траве.

Приходилось рыть силосные ямы, сторожить по ночам зерно на колхозном току. Работу с нас спрашивали, как со взрослых, никаких поблажек.

Однажды, когда я заготавливал дрова для школы, острым топором чуть не отрубил себе палец на ноге. Кое-как замотал его тряпицей, но ходил-то босиком, видно, засорил рану, и началось заражение. Стал проситься отпустить меня в больницу. Бригадир не отпускает, говорит, что если каждый мальчишка палец порежет и помчится в больницу, то на селе работать некому будет. А у меня нога краснеть уж начала, температура поднялась. И я сбежал. До больницы 80 километров. Пешком в два дня не дойдешь. Уговорил шофера, который возил сажу на машине. Вбегаю в больницу, а от меня все врассыпную. «Черт! Черт!» – кричат. Так сажей перемазался. Но помощь мне все-таки оказали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.